

дарстве. Это «золоченые колокола». Их 6, весу в них 87 пудов, 14 фунт., висят на колокольне приходской церкви Казанской Божией Матери и вызолочены в старинные годы церковным старостой Семеном Можантиновым, из усердия к благолепию вверенного ему храма Божьего. Девичья школа открыта в Таре в 1858 году. Из этого видно, что и Тара не отстает от других городков своей губернии и думает о постепенных улучшениях.

Александр Жиров

ЕСЛИ БЫ СТЕНЫ МОГЛИ ГОВОРИТЬ...

Прожил я в Таре сорок лет, но в старожилы не гоюсь по сравнению с другими. Например, с Валентиной Александровной Макаровой, которой исполнилось 96 лет и которая переехала в наш город еще до первой мировой войны. Или с Николаем Яковлевичем Мясниковым, который до революции гонял со своим отцом ямщину и однажды имел честь везти самого Якова Васильевича Орлова, преемника знаменитого торгового дома братьев Волковых. Или с той же Анфисой Филипповной Кириченко, окончившей когда-то гимназию и встретившей свое столетие в Омске.

Многие замечательные старики-старожилы живут в Таре, храня память о неповторимом облике старого города, его людях. Долгими вечерами засиживался я с ними за степенными разговорами и, слушая их любопытные рассказы, все больше убеждался в том, что познания мои, как историка-краеведа, крайне относительны.

А ведь история моего города, в первую очередь, каменная его летопись, весьма занимательна. К сожалению, исчезают у нас и без того поредевшие ряды памятников истории и архитектуры. На месте бывшей синагоги, например, пустырь. Свидетелями ее разбора были жители бывшей улицы Александровской, ныне Свердлова. Здание повидало немало «хозяев»: в нем располагались и спортивная школа, и Дом культуры, и спортивный зал...

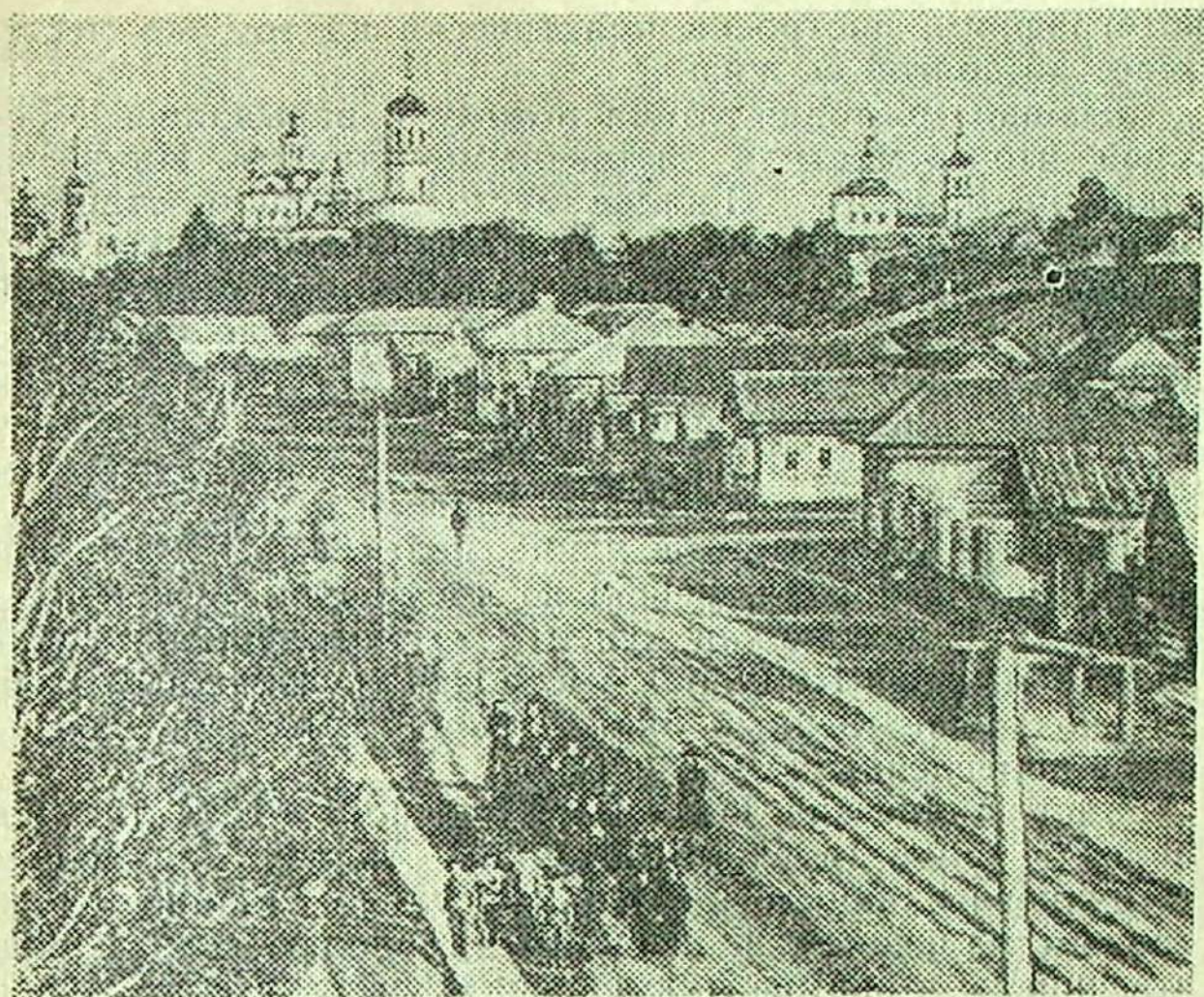
А вот еще один претендент на снос — дом бывшего священника Пятницкого прихода отца Семена. Когда-то бледно-голубого цвета, с террасой, балконом и красивой парадной дверью, он привлекал всеобщее внимание гуляющих по городской улице. По ней молодежь «ходила кругами». Сложена была даже припевочка: «Чечи бью, чечи бью, чечи выбиваю. По Александровской пройду, в карты поиграю».

Многие обычно останавливались возле поповского дома, любовались им, ну и, конечно, поповной, которая, как правило, выходила с показной независимостью и книгой в руках на свой балкон... Соседи священника, сестры Терентьевы, говорили мне, что бывшие хозяева за своим жилищем хорошо следили, а вот когда самим довелось увидеть, что теперь случилось с домом, у них «душа опустилась».

Изумительный некогда по красоте, он превратился, увы, в заурядную коммуналку. Живут в нем престарелые люди. Когда я фиксировал на фотопленку остатки былой прелести дома, жильцы его подходили ко мне, жаловались, что жилье их «сыпется», никому не нужно, да и сами они, пенсионеры, тоже никому не нужны. Тщетно я старался узнать у стариков о судьбе бывшего владельца особняка. Позже мне сообщили, что дочка священника Капа вышла, якобы, замуж за комсомольского работника, чем «посрамила отца»...

История любого города — это прежде всего люди. Но людской век короткий. Здания живут дольше. Если пройти по современной Таре, можно обнаружить десятки зданий, которые, если и не являются памятниками архитектуры, то составляют как бы основу градостроительства Тары. Если бы стены могли говорить...

В подгорной части сохранился один из домов известных бухарских купцов, потомственных почетных граждан Айтыкиных. В начале XIX века Нияз Айтыкин, вы-

Бывшая улица Мостовая в г. Таре

полняя задание западно-сибирского генерал-губернатора, открыл один из коротких караванных путей от Омска до Коканда.

Владели Айтыкины кожзаводом, стекольным заводом, торговали чаем, железом, мануфактурой. Вели торговлю с Китаем. Имели свои пароходы, галантерейные, гастрономические и мануфактурные магазины в Павлодаре, Верном, Семипалатинске. В Таре они торговали столовой посудой из фарфора и фаянса, шелковыми и шерстяными тканями. Построенные на их средства в Тюмени пароходы «Работник» и «Тара» в 1887 году были спущены на воду и курсировали по маршруту Тюмень — Тобольск — Тара — Павлодар. Туда и обратно везли купеческие товары.

От некогда приличной бухарской слободы в подгорной части Тары осталось несколько домов. Но выросла здесь каменная мусульманская мечеть. Прежняя давно была разрушена. Новая, если присмотреться к старым

фотографиям, построена практически на том же месте. Будет ли долгой ее жизнь?

Бывшая мостовая улица потому и называлась Мостовой, что ее мостили листовыми плахами. Иначе по улице не проехать. «Гнилое место», говорили старики. Бывший кучер райкома Георгий Васильевич Зыков рассказывал, что ему частенько приходилось ездить этой дорогой, «низом», на кожевенный хутор, где было до десятка мелких заводов. Так вот однажды Георгий Васильевич свалился с мощеного настила и «чуть не утопил лошадь и телегу». «Хорошо,— говорил,— что с собой была волосяная веревка. Крепкая».

На этой-то болотистой улице, недалеко от Богородице-Казанской церкви, решил во время одного из приездов в Тару кяхтинский купец и золотопромышленник Яков Андреевич Немчинов выстроить трехэтажный особняк под общественный банк и сиропитательное заведение с ремесленным училищем.

Яков Андреевич Немчинов (ок. 1800—1894 гг.) родился в семье тарского мещанина Андрея Семеновича Немчинова, жившего на Большой улице. Начиная с детства мальчиком и, переехав в молодые годы к родственникам в знаменитую слободу Кяхту, что на границе с Монголией, стал служить у кяхтинских купцов Колесова и Наквасина. Прошел все стадии становления предпринимательства: ходил в обозах, доставлял купеческие товары на Ирбитскую ярмарку и обратно в Забайкалье, служил старшим в обозе («когтем»), завел собственное дело и очень быстро стал одним из чайных монополистов.

Позже у него появились прекрасные дома в Кяхте и Иркутске, своя резиденция на Ленских приисках, пароходы, и, конечно же, все это при огромных по-сибирски капиталах. О них также сложено немало легенд. Сумма, называемая А. Ф. Палашенковым, мне представляется маловероятной: 48 миллионов... Таким капиталом могла располагать вся многочисленная семья Якова Андреевича: 11 дочерей и единственный наследник — Андрей Яковлевич. Каждая из дочерей, выходя замуж, получала солидное приданое.

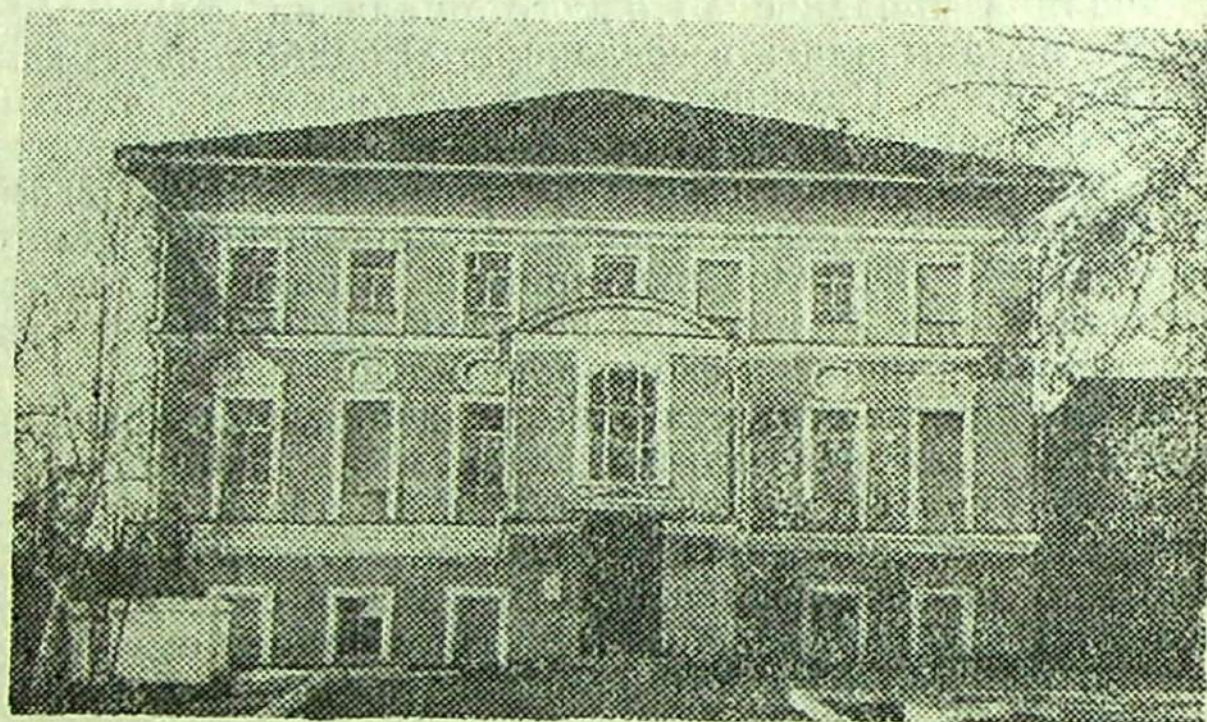
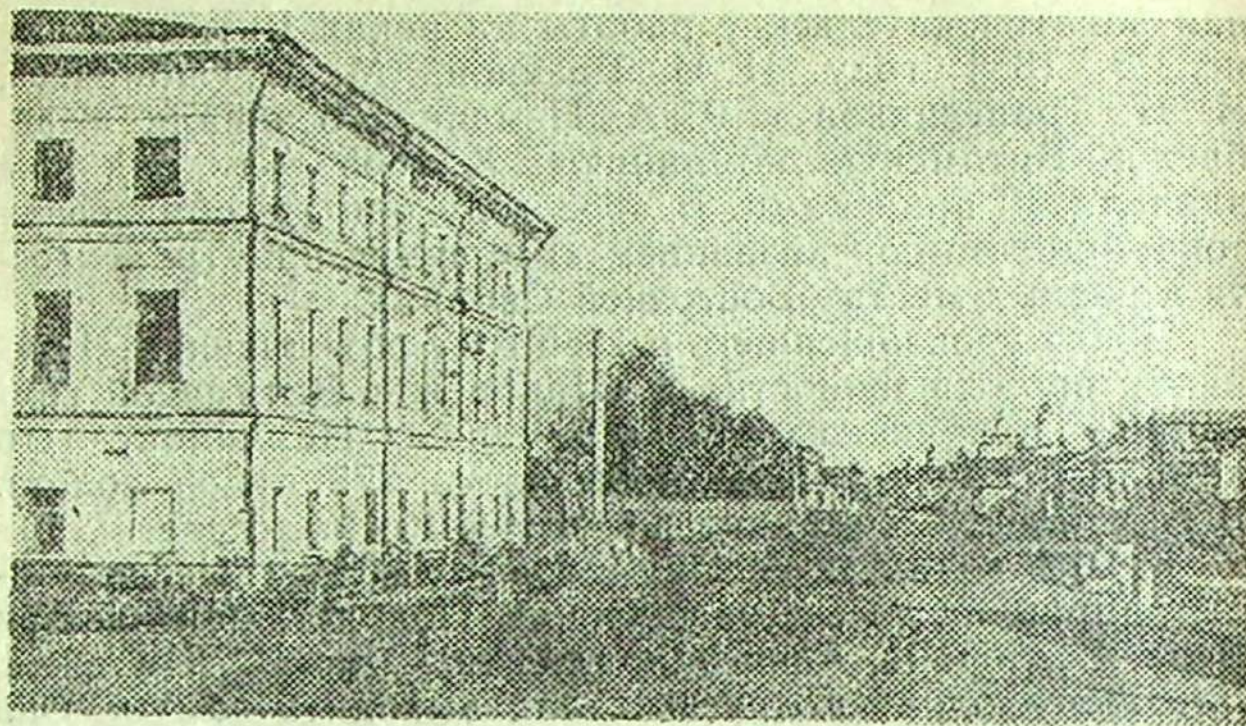
Материал, которым я располагаю, позволяет судить о масштабах деятельности Немчинова-золотопромышленника. Известно, что именно Якова Андреевича иркутские предприниматели пригласили в компаньоны, начи-

ная золотонискательские работы на реках Витиме и Лене. В 1864 году И. И. Базанов, М. А. Сибиряков, И. Н. Трапезников и Я. А. Немчинов основали «Прибрежно-Витимскую компанию». К 1865 году они уже владели 30 приисками. В 1883 году они же образовали товарищество под названием «Компания промышленности в разных местах Восточной Сибири».

После произошедшего в 1885 году объединения «Компании промышленности» и «Прибрежно-Витимской компании» на приисках, принадлежавших Немчинову и его компаньонам, ежегодно добывалось 275 пудов золота. Все остальные компании не дотягивали и до ста.

К 70-м годам Я. А. Немчинов все свободные капиталы направлял на его расширение. Подраставшие дочери Вера, Екатерина, Александра, Анна-1, Анна-2, Надежда, Елизавета одна за другой стали выходить замуж. Они получали в приданое до одного миллиона. Эти деньги тут же вкладывались в созданную «Бодайбинскую компанию». Я. А. Немчинов создал ее вместе с зятьями М. О. Осокиным, М. И. Корзухиным, А. И. Котельниковым. На имя Александры Григорьевны, супруги своей, он оформил Александрийский, Бодайбинский, также Мартовский, Леонидовский прииски. Почти все дочери одарили Якова Андреевича внуками, некоторые из них унаследовали прииски своих родителей.

Сухие данные статистики высвечивают достаточно интересные для нас факты. Одним из компаньонов Я. А. Немчинова, например, был Дмитрий Чернядев, объявлявший себя тарским купцом. Открытый им в 1890 году прииск Увальный в Витимской системе, недалеко от Бодайбо, только в 1893 году принес ему 36 пудов, 30 фунтов, 10 золотников золота. Его родственник иркутский купец В. Чернядев задолго до этого, в январе 1866 года, зарегистрировал на свое имя Пророко-Ильинский прииск на реке Ныгри. Чернядевы стали потомственными почетными гражданами и позже, покинув Иркутск, проживали в Томске, где Я. А. Немчинов тоже поддерживал тесные связи с купечеством. Пытаясь отследить эти связи, я просил своих коллег в Томске Владимира Петровича Бойко и Олега Николаевича Разумова отобрать материал по Чернядевым, Пятковым, Озорным, Филимоновым. Хорошо известно о том, что Озорнину в Томск в конце 80-х — начале 90-х годов Немчиновы регулярно отправляли чайные обозы из Кяхты.

Дом Немчиновых в г. Таре

Труднее найти хоть какие-то контакты Немчиновых с детьми и внуками одного из богатейших предпринимателей Забайкалья Н. Л. Молчанова, на восемь лет пережившего своего первого хозяина. С ранних лет мечтал он стать миллионером. Все перенес: сколько сапог перечистил, сколько вынес оплеух и зуботычин. Все перетерпел. Сделал его Яков Андреевич сначала младшим приказчиком, потом старшим, затем стал его доверенным лицом и, наконец, главным приказчиком. И пошли

молчановские чайные караваны в Москву и Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку. Тут уж он стал хозяином. Но донесли на него приказчики. Устроил Яков Андреевич ему настоящее следствие, и «погорел» Лукич. Прогнал его Немчинов. А у Молчанова уже имелись сотни тысяч...

Многие начинающие благодарили Немчинова за то, что тот без всякого мошенничества давал им кредиты, хоть и под очень большие проценты. В том числе и тарским купцам. В 1872 году в Таре появился городской общественный банк Я. А. Немчинова.

У нас немало говорили и писали о том, что сибирское серебро и золото, добытые тяжелым трудом подневольных и вольнонаемных рабочих, без счета тратились на постройку и убранство дворцов, устройство пышных праздников и т. д. Золотопромышленников изображали страшными самодурами и бездельниками. Наверное, явление это, как говорится, имело место, но вряд ли оно относится к Якову Андреевичу.

Как точно подметил Валентин Распутин, рисуя портрет старого сибиряка, «разбогатева на мягкой рухляди и золоте... он умел не потерять чувства долга и вины перед местом своего рождения и обогащения. И платил всякий раз, когда требовалась поддержка в культурном и духовном строительстве, в попечительстве наукам и ремеслам, дабы не осталась Сибирь навсегда «полуношной страной».

О тарском сиропитательном доме, Немчиновском доме, как утверждал А. Ф. Палашенков, знали в России. «Сиропитательный дом сделался главным украшением Тары... Каждый приезжий считал долгом посетить Немчиновское заведение». Как родилась эта идея, можно долго гадать, многие в России открывали подобные заведения. Внимательно рассматривая фотографию детского приюта братьев Королевых в Томске, отмечу, что здание это напоминает Немчиновский дом в Таре: те же три этажа, наружные стены вверху и внизу оконных обрамлений украшены лепкой. В 70—80-е годы в Сибири открылся ряд таких заведений. Тарский сиропитательный дом и ремесленное училище при нем открылись 21 апреля 1875 года в день рождения супруги Якова Андреевича Александры Григорьевны. На этот счет (по поводу даты открытия) существует несколько мнений (А. Ф. Палашенковым назывался 1882 год).

Известно описание одного из приездов Немчиновых в Тару. Каждый такой приезд был событием для провинциального города. О нем знали, к нему готовились. Во время приезда на открытие дома из Омска выписывали казачий оркестр Быкова. Из разных мест уезда в Тару тянулись нищие. Встречавшие получали по плитке кирпичного чая, по куску ситца, одаривались деньгами.

На дом, в котором родился Яков Андреевич, а потом жил его брат Николай, указала мне Валентина Александровна Макарова. Многие о нем знали, да забыли, потому что улицы переименовывали (Немчиновский переулок получил имя революционера Урицкого, Александровская улица стала улицей Свердлова). Расположенное в 200—300 метрах от дома Немчиновское место на Тихвинском кладбище было разорено, а само кладбище превращено в комсомольский парк. Великолепные памятники, воздвигнутые кяхтинцами на могилах родителей и родственников, когда-то охранялись сторожами.

К выстроенной Иваном Федоровичем Нерпиным, знаменитым тарским купцом конца XVIII—XIX веков, Тихвинской церкви Яков Андреевич велел пристроить часовню. Она долгое время использовалась как трапезная. И вот — их нет.

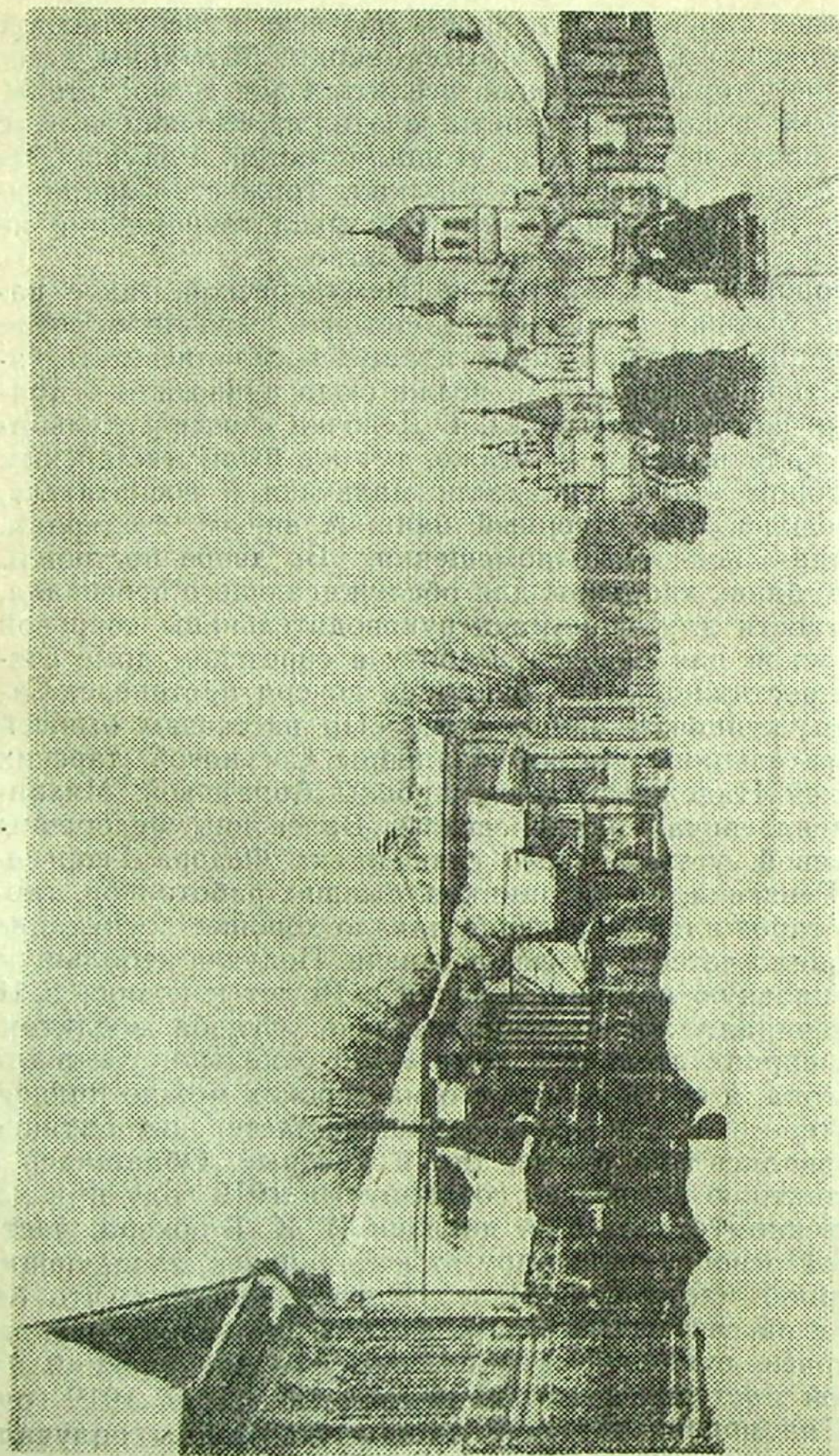
Часто повторяя студентам о том, что, пока мы не научимся уважительно относиться к памяти ушедших из жизни, мы не сможем достойно устроить жизнь живых, запинаясь, вспоминая, что в Таре всегда с легкостью проходились бульдозером по могилам предков. На месте еврейского кладбища строили помещения для сельскохозяйственного техникума, на месте бывшего татарского мазарата пасли скот, а потом выстроили среднюю школу. Надгробные плиты с Тихвинского кладбища частью пошли на стройку жилых домов, частью оказались на свалке. Памятник одному из представителей известного купеческого рода Дудиковых Константину Никандровичу, умершему в молодые годы, высеченный из камня екатеринбургскими мастерами, обнаружил я между складами на пристани. Кому же было дело до в общем-то невзрачного дома купцов Немчиновых?

Здание под сиротский дом и общественный банк строилось в рекордно короткие сроки. В Таре едва ли набиралось в то время с десятков каменных домов. По-

этому вся тарская знать почла за честь присутствовать на его открытии. Пятковы, Щербаковы, Айтыкины, всего около полутора человека, уселись в час дня за столы, накрытые в комнатах третьего этажа. «Хозяин и его семья почти не сажались, угощали гостей. Радушию не было конца... Оркестр не смолкал. Торжество закончилось в три часа ночи», — так описывал современник не рядовое для уездного города событие.

Первоначально в доме на Немчиновской, такое название бывшая Нерпинская-Мостовая получила после возведения этого каменного здания, поселились дети узников тарской тюрьмы, а позже сюда привозили и приводили сирот со всего уезда. Девочки с воспитательницами жили на третьем этаже, тут же были мастерские. На втором этаже, где жили мальчики и воспитатель, разместился общественный банк. А внизу столярная, сапожная, подсобные помещения. Во дворе построили кухню, баню, квартиры для обслуживающего персонала, в частности для эконома и руководительницы ковровой мастерской для девочек. Работу в сиротском доме считали престижной, тут трудились дочери протоиерея Сафонова, купцов и чиновников. По рассказам бывшей воспитательницы Лидии Ивановны Сосуновой, тарских учителей Надежды Александровны Абрамовой, Михаила Васильевича Грандилевского, Валентины Федоровны Енарьевой, усть-тарского священника Федора Георгиевича Ревягина, воспитанников, бывших работников, тарских старожилов, заведение давало хорошее воспитание и готовило детей к трудовой жизни. Получив небольшую материальную помощь, девочки в 16 лет и юноши в 18 лет начинали жить самостоятельно. Судьба воспитанников сиропитательного дома — это отдельная тема для разговора, а вот о работе его мастерских можно привести интересные данные. Продукцией мастерских активно пользовались как белые, так и красные. Обращаясь в конфликтную комиссию, созданную в 1919 году при хозяйственном отделе 51-й дивизии В. К. Блюхера, части которой освобождали Тару от колчаковцев, заведующий столярной мастерской Павел Петров сообщал, что белые не рассчитывались за взятые в мастерских овчины, лосиновые рукавицы, сапоги и лыжи. Заведующий сапожной мастерской Тоглев принял 19 ноября 1919 года заказ на пошив 1000 пар сапог. Снабженцы получали в мастерских Немчиновского дома сапоги, лыжи для

Бывшая улица Никольская в г. Таре

красноармейцев и под пулеметы, а также выделанные овчины и кожу.

Вместе с сиропитательным домом Я. А. Немчинов открывал и дом призрения для бедных. Где-то в это же время у тарских купцов созрела идея создания общественной библиотеки. Официально библиотеку открыли 10 февраля 1883 года. Ее учредителями стали купцы Федор Иванович Щербаков, Андрей Федорович и Михаил Федорович Пятковы, Николай Николаевич Поварнин, Николай Кириллович Машинский и другие. За три года «от разных лиц» на библиотеку поступило 174 рубля 47 копеек, из них 100 дал Немчинов. Не много. Но 1500 целковых Сибирякова, а потом внесенные по его примеру деньги А. И. Щербакова, М. Ф. Пяткова и других, да подаренные более 200 томов Трапезниковым уже позволили создать фонд из 1518 книг.

Надо сказать, что благотворительность Я. А. Немчинова — это лишь малая часть его общественной деятельности.

А если взять его «золотые дела»? Ученые, которые с классовых позиций изучали период «золотой горячки», скрупулезно выискивали данные о «неповиновении золотопромышленникам», о стачках, невыходах на работу, конфликтах. Безусловно, все это было: крестьяне, временным отходничеством стремившиеся поправить пошатнувшееся хозяйство, мечтавшие о быстром обогащении, и самый разный пестрый люд, в неурожайные годы сталкиваясь с бытовыми трудностями и тяжелейшими условиями труда, ожесточались. Возмущения случались и на немчиновских приисках. В июле 1876 года рабочие там возмущались грубым обращением с ними, плохим качеством продуктов и высокими ценами на товары в лавке. В июне 1883 года на одном из немчиновских приисков в Витимской системе требовали трех обещанных выходных в месяц. В марте 1888 года на прииске в Олекминской системе резко воспротивились нарушению контракта по производственным причинам. Так, в Забайкалье много рабочих сбежало с Иннокентьевского прииска, принадлежавшего Немчинову.

Многие стремились попасть на прииски Восточной Сибири. Бедняков гнала нужда, зажиточные «шли за фартом». Чиновник особых поручений майор Калагеорги, ревизовавший по личному поручению генерал-губернатора Анучина прииски Ленского округа, приводил в

своим докладе интересные данные о местах выхода рабочих «Прибрежно-Витимской Компании» и «Компании Промышленности». Преобладали выходцы из Иркутской, Томской, Енисейской и Тобольской губерний.

Были на Ленских приисках и жители Тарского уезда и самой Тары. Мой дед по матери Строкин Афанасий Иосифович, как и его младший брат Александр Иосифович, родился на прииске, где работал их отец Иосиф Наумович. Его, как и многих других, вербовщики соблазнили рассказами о больших заработках.

В 90-х годах через Ленские прииски прошел житель села Уленкуль Хабибулла Хабибуллин, а позднее там побывали и его сыновья Хаким и Хасиб.

Многие купцы и мелкие предприниматели Тары прошли через золотые прииски. Купцы Шанские провели там один сезон, два сезона работали сыновья торговца шерстью Канаревского, будущий купец Деев, кирпичник Полунин. В конце XIX века в Таре ежегодно получали от 500 до 800 паспортов. Преимущественно уходили на золотые прииски. Побывавшие на Лене, Витиме, Олекме знали о Немчинове, его богатстве, его добрых делах.

За свои пожертвования Немчинов получал разные награды, звания. Ему присвоили звание почетного гражданина, коммерции советника.

За строительство на собственные средства в 1862 году церкви Преображения в с. Преображенском Троицкосавского уезда Селенгинского округа, церкви в г. Тунгуй, кладбищенской Успенской церкви в Кяхте-Троицкосавске в 1884—1888 гг. он награжден орденом Святого Станислава 2-й степени; в 1880 году ему вручили орден Святого Владимира. В мае 1870 года он выделил более 6 тыс. рублей на разбивку городского сада в Иркутске, вместе со своими компаньонами по золотопромышленности дал 85 тыс. рублей на строительство театра, а в Таре реставрировал три церкви.

Еще при жизни удалось Якову Андреевичу пустить свои пароходы по Селенге и Байкалу.

Один из островов на реке Чикой получил имя Немчиновского. Конечно, Якову Андреевичу не чуждо было честолюбие. В то же время, например, выделяя в честь проезда наследника цесаревича 5 тысяч рублей, стипендию в гимназии он назвал именем Николая Александровича.

Честолюбие двигало и движет множеством людей в

самых разных сферах деятельности. Люди хотят оставить след на земле. Что ж в этом плохого?

С моей точки зрения, для общества все-таки важнее сама благотворительность, а не ее мотивации. Разве не на благо общества действовал «Андрюшенька» — единственный наследник «архимиллионера» Я. А. Немчинова, жертвуя на храмы, помогая Иркутскому институту благородных девиц, устраивая больницу для душевнобольных в этом городе? Правда, не всегда Немчиновы принимали участие в массовых пожертвованиях, «по подписке», как тогда говорили, поступали и здесь по-деловому, расчетливо и экономно. Видимо, есть чему поучиться у династии Немчиновых.

О многом могли бы поведать тарчанам стены старого Немчиновского дома на улице, носящей теперь имя никак не имеющего отношения к Таре революционера Карла Либкнехта.

Неплохо бы знать нашим современникам о деловых и человеческих качествах купца Немчинова.

В уютном зале картинной галереи рассказывал я как-то тарским предпринимателям о последних днях большой и насыщенной событиями жизни Якова Андреевича. Последние годы он был разбит параличом. Жил в Кяхте, которая в 90-е годы уже утратила былое величие. Богатая когда-то торговая слобода отцветала почти «в ногу» со стариком, больным и прикованным к постели.

«Бывший миллионщик» не мог смириться со своим пассивным положением и даже в полуденную жару, когда все живое пряталось от палящего солнца, требовал возить его по тенистым аллеям сада на берегу речки Киран. Соседи, прислушиваясь к визгу инвалидной колясочки, перекрестившись, говорили друг другу, что, мол, возят давно отжившего свой век человека.

Каждый день он сам читал большую деловую почту и сам диктовал ответы.

Катаясь по песочным дорожкам сада, он требовал к себе Андрея Яковлевича, просил его сообщить свежие новости. «Что пишет Озорин из Томска?» — спрашивал он еле слышным старческим голосом. А узнав, что отправленные обозы с чаем дали существенную прибыль, оживал, становился бодрее.

Поучительна биография нашего земляка. Это был труженик, неустанный в наживе. Получая полумиллион-

ную ренту, он даже в воскресные дни со страстью отдавался своему делу. Рано утром старец приказывал выносить себя из комнат и останавливал первого попавшегося ему на глаза мужика, везшего зерно или муку на рынок, и до потери сил вел с ним торг. Говорил, что никто ему на базаре больше не даст, уверял, божился, стыдил, кивал на соборный крест. И если мужик оказывался податливым, уступал, продав зерно дешевле базарной цены, старик, после того, как его еле дышащего уносили в кабинет, отходил и менялся на глазах: чувствовал себя на вершине блаженства, становился добр и ласков и, разговорившись, любил наивно прихвастнуть своим умом, смекалкой и сноровкой.

В этом весь он, Яков Андреевич Немчинов, никогда не дававший зря, без какой-нибудь выгоды для себя и для общества, привыкший каждую копейку ставить ребром и делать из нее две.

Отвечая на множество моих вопросов, тарские старожилы рассказывали, что купечество знало, верило и надеялось на Немчинова.

Дочь приказчика Торгового Дома К. В. Балыкова в Таре В. С. Глебова писала мне, что родители, прошедшие хорошую коммерческую школу, часто поминали Немчинова. Антонина Трофимовна Бизяева уверяла меня в том, что большие дела известных тарских и тюменских пароходовладельцев Василия Тимофеевича Разумовского и его сына Николая начались с того, что им подарил пароход Немчинов.

О многом могли бы рассказать стены Немчиновского дома. Помнят они, наверное, и о том, как в двадцатые годы их спас от разборки тарский стройтехник Иван Петрович Русинов. Дело было обычное. Пришли к власти не очень грамотные люди, в сложнейших условиях всеобщей разрухи их действия больше походили на суету пожарной команды. Всего не хватало, в том числе и строительных материалов, а тут под боком рассыпающийся Успенский собор на Базарной площади, да еще под горой Немчиновский дом. Церковь все-таки разобрали, потом разрушили еще четыре из оставшихся пяти, а вот с Немчиновским домом не получилось. Комиссии осматривали здание со всех сторон, подсчитывали, сколько будут стоить разборка и очистка кирпича, и пришли к выводу, что проще и легче изготовить новый. А тут еще и Русинов. Конечно, политически не очень грамот-

ный человек, вначале с ним не очень-то считались: был уездным комиссаром Временного правительства в период двоевластия, имел приличный дом на улице Зеленой (до сих пор в нем магазин «Строительные товары»), держал лавку. Но мнения его, как мастера-стройтехника, никто не отвергал. Осмотрев трещины, которые, как его пытались уверить, принимают «угрожающие размеры», Иван Петрович обследовал фундаменты и сказал, как передают свидетели этого случая: «Да я эти трещины заклею папиросной бумагой, и дом еще сто лет простоит». С тех пор здание 70 лет прослужило городу. А дети Ивана Петровича повторили профессию отца. Оба сына, уже имея стаж работы по специальности, в 1922 году поступили на архитектурное отделение художественно-промышленного техникума им. Врубеля. После окончания его Анатолия Ивановича пригласили на работу в Новосибирск, а Петр Иванович работал в Сибметаллтресте, преподавал черчение и основы архитектурного проектирования в Худпроме, а в 1927 году получил первую премию за проект клуба металлистов. Он же принимал участие в создании проекта клиники ветеринарного института и первого в Омске жилого комбината для рабочих обозного завода, что на углу проспекта Маркса и ул. Маяковского.

Большинство из нас лишь в общих чертах знают историю Тары. Достаточно часто в периодической печати появляются материалы, связанные с более-менее изученным ее периодом колонизации. В последнее время, и мне это больше нравится, в публикациях о Таре все чаще появляются люди: купцы, мастеровые и т. д.

Тара может гордиться купцами Бекишевыми, Можантиновыми, Филимоновыми, Нерпиными, Пятковыми, Носковыми, Машинскими, гончарами Плотниковыми и Дорохиными, веревочниками Ваулиными, кирпичниками Полунными, кузнецами Бизяевыми и Хрящевыми, ювелирами Ревягиными и иконописцами Калининными, талантливыми хлебопеками, прянишниками, писателями, артистами, военными...

В один ряд с ними мы наконец-то можем поставить купцов Немчиновых.

